

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

Английский
бульдог

Никогда не сдавайтесь –
никогда, никогда,
никогда...

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ БИОГРАФИИ

Екатерина Александровна Мишаненкова
Уинстон Черчилль.
Английский бульдог
Серия «Эксклюзивные биографии»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19489842
Екатерина Мишаненкова Уинстон Черчилль. Английский бульдог: АСТ;
Москва; 2016
ISBN 978-5-17-093858-2

Аннотация

Бывают ли люди, которым удается все, за что они берутся? Люди, одаренные таким букетом талантов, какого хватило бы на десятерых, и силой воли, способной преодолеть любые преграды? По крайней мере один такой человек точно существовал. Во всем мире его знают прежде всего как одного из победителей Гитлера, но занимаясь судьбами мира, он успевал еще писать книги, рисовать картины, увлекаться наукой, пилотировать самолеты и дирижабли и делать сотню других дел. Премьер министр Великобритании, лауреат Нобелевской премии по литературе, лучший оратор XX века и, наконец, просто человек, признанный величайшим британцем в истории – Уинстон Черчилль.

Содержание

Предисловие	5
Уинстон из рода Спенсеров-Черчиллей	8
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Екатерина Мишаненкова

Уинстон Черчилль.

Английский бульдог

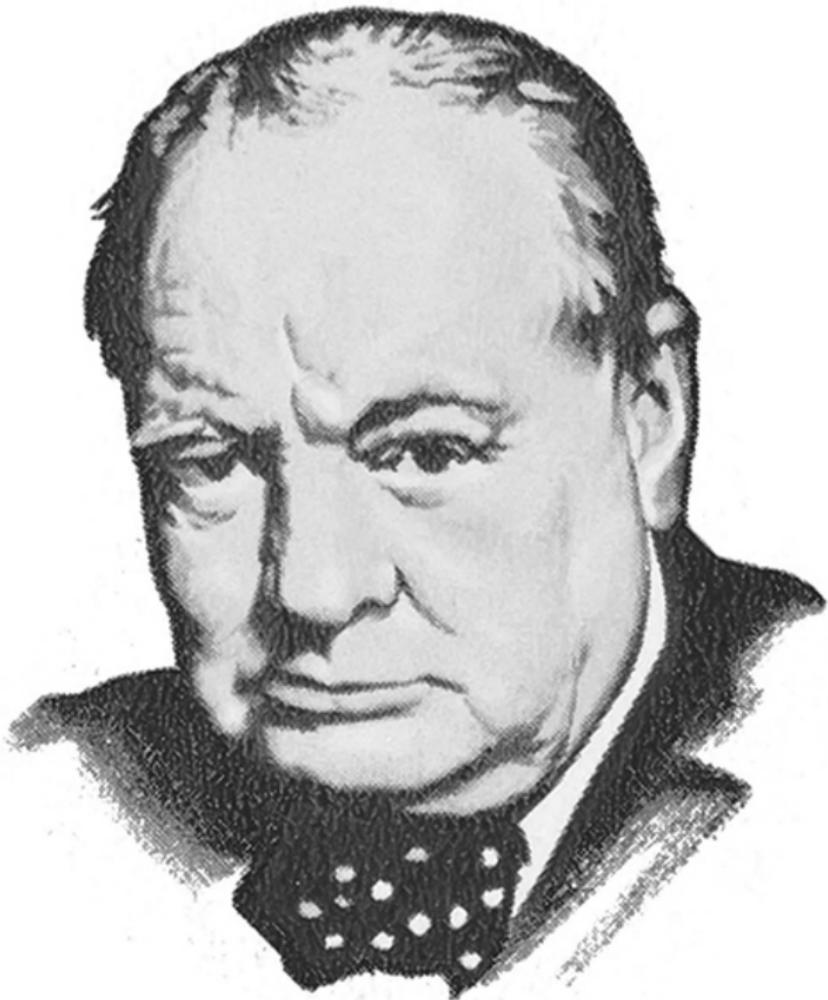
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Предисловие

Бывают ли люди, которым удается все, за что они берутся? Люди, одаренные таким букетом талантов, какого хватило бы на десятерых, и силой воли, способной преодолеть любые преграды?

По крайней мере один такой человек точно существовал. Во всем мире его знают прежде всего как одного из победителей Гитлера, но занимаясь судьбами мира, он успевал еще писать книги, рисовать картины, увлекаться наукой, пилотировать самолеты и дирижабли и делать сотню других дел.

Премьер министр Великобритании, лауреат Нобелевской премии по литературе, лучший оратор XX века и, наконец, просто человек, признанный величайшим британцем в истории – Уинстон Черчилль.

Мои вкусы просты.
Я легко довольствуюсь наилучшим.
Что касается меня, я оптимист.

Не вижу проку быть кем-либо еще.

Я никогда не тревожусь по поводу своих действий, я беспокоюсь лишь из-за бездействия.

Конечно же, я эгоист.

Как далеко вы уйдете, если не будете им?

Уинстон из рода Спенсеров-Черчиллей

Все началось 12 августа 1873 года во время королевской регаты на острове Уайт, где молодой лорд Рэндольф Черчилль, третий сын герцога Мальборо, встретил очаровательную Дженни Джером, в которую сразу же безумно влюбился. Дженни ответила ему взаимностью, и всего через несколько дней Рэндольф предложил ей руку и сердце. Они поженились 15 апреля 1874 года, а 30 ноября у них родился первенец, которого назвали Уинстоном.

Конечно, тогда никто не мог предсказать, какая великая судьба его ждет. Род Спенсеров-Черчиллей был знатным, а их титул восходил к одному из величайших полководцев в истории Великобритании, Джону Черчиллю, которого королева Анна в 1702 году сделала герцогом Мальборо. Но с тех пор великих людей в их роду больше не было, да и особо выдающихся – тоже. Герцоги Мальборо женились на знатных леди, занимали придворные должности и понемногу проматывали и так не слишком большое фамильное состояние. Достаточно серьезную политическую карьеру за почти двести лет существования титула сделал только дед Уинстона, 7-й герцог Мальборо, но к тому времени премьер-министр Дизраэли уже насмешливо говорил об их семье: «Они недоста-

точно богаты, чтобы быть герцогами».

Отец Уинстона, лорд Рэндольф Черчилль, будучи младшим сыном обедневшего герцога, не имел особых шансов ни на титул, ни тем более на приличное состояние. Но будучи человеком обаятельным и остроумным, он решил пойти по стопам отца и выбрал политическую карьеру. И поначалу казалось, что впереди у него большое будущее. За два месяца до свадьбы он был избран членом парламента от партии консерваторов и окунулся в политику со всем пылом своих двадцати четырех лет.

«В нем сочетались утонченность и огромное обаяние, — писал о Рэндольфе один из биографов Уинстона Черчилля, Франсуа Бедарида. — Лорд Рэндольф обладал живым умом и хорошими ораторскими способностями. Его речь отличалась остроумием, подчас язвительностью, а колкие замечания метко попадали в цель. Все говорило о том, что Рэндольфу Черчиллю уготовано большое будущее, ведь он не скрывал своей цели — возглавить партию консерваторов. Но отсутствие последовательности в действиях, нездоровий эгоизм, честолюбие, следствием которого были внезапные порывы, а не тщательно обдуманные решения, сводили на нет все его начинания. «Цезарь или ничто», — сказал он однажды своей матери». Увы, Цезаря из него не получилось.

* * *

Мать Уинстона Черчилля, красавица Дженни Джером, была американкой, в чем нет ничего удивительного – к концу XIX века английские аристократы часто разорялись и, чтобы поправить состояние, начали повально жениться на богатых наследницах из США. Даже двоюродный брат Уинстона Черчилля, надменный герцог Мальборо, не побрезговал американскими миллионами наследницы Вандербильтов. Правда, произошло это на двадцать два года позже, в 1895 году, когда у Спенсеров-Черчиллей уже не осталось ничего кроме долгов.

Дженни миллионами похвастаться не могла, но все же ее отец был достаточно состоятелен, чтобы оплатить долги титулованного зятя. Задолжал тот, впрочем, не так уж много для аристократа – около двух тысяч фунтов (примерно девяносто тысяч фунтов на нынешние деньги).

Отец Дженни, потомок французских эмигрантов Леонард Джером, был личностью интересной – адвокат, биржевой спекулянт, «акула» с Уолл-стрит, американский консул в Триесте, совладелец «New York Times» и Тихоокеанской почтовой пароходной компании, яхтсмен, картежник, любитель женщин и лошадей – и это еще не полный список его занятий и увлечений. Мать Дженни, Кларисса, была не столь эффектной персоной, зато от нее она унаследовала приме-

чательную внешность – черные глаза и волосы и смуглую кожу. Поговаривали, что в ее жилах текла кровь ирокезов, и хотя доказательств у этой семейно легенды не было, Уинстон Черчилль в нее верил и гордился тем, что в его жилах намешано столько различных кровей. Уже на закате своих лет он с удовольствием сказал кандидату в президенты США Адлаю Стивенсону: «Я сам – Союз англоязычных стран».

Люди, не готовые делать непопулярные вещи и противостоять реву толпы, не годятся быть министрами в трудные времена.

То, что большинство людей называют непониманием, это понимание, отличное от их собственного.

Бокал шампанского придает веселость. Нервы успокоены, воображение приятно возбуждено, ум становится более резвым. Бутылка производит обратный эффект.

Семья Рэндольфа, конечно, возражала против его женитьбы на незнатной и не слишком богатой американке, отец которой к тому же потребовал заключить договор, по которому ее финансы будут принадлежать ей, а не мужу, как это было принято. Но Рэндольфа неожиданно поддержал принц Уэльский, будущий король Эдуард VII, и свадьба все-таки состоялась.

«Леди Рэндольф обладала ослепительной красотой,

её скорее можно было принять за итальянку или испанку. Глаза её были большими и темными, изгиб губ был изысканным и почти озорным, волосы – иссиня-чёрными и блестящими, в ней было что-то креольское. Она была очень оживлённой и много смеялась, показывая белоснежные зубы, и всегда выглядя счастливой и хорошо проводящей время».

Мария, королева Румынии «История моей жизни»

Выйдя замуж, Дженни с головой окунулась в светскую жизнь, для которой она была буквально создана. Красота, сильный характер, острый ум и умение себя подать надолго сделали ее королевой светских салонов. Правда, для реализации всех своих амбиций ей вечно не хватало денег. Как верно пошутил один из ее знакомых: «Дженни смело можно отнести к такому типу женщин, для которых иметь меньше сорока пар туфель означает прозябать в нищете».

Но никакие светские увеселения не помешали новоиспеченной леди Рэндолф Черчилль (именно так она стала называться, выйдя замуж за третьего сына герцога) исполнить главный долг супруги аристократа – родить наследника. Свадьба состоялась в апреле, а уже в конце лета ей пришлось уехать из Лондона в родовое владение герцогов Мальборо – дворец Бленхейм, где царила ее властная свекровь. «Она железной рукой управляла дворцом, – вспоминала Дженни. – От шороха ее юбок трепетал весь Бленхейм».

Тем не менее развлечения продолжались и там, что едва не закончилось печально. По крайней мере, еще одна семей-

ная легенда Спенсеров-Черчиллей гласит, что схватки у леди Рэндольф Черчилль начались 29 ноября, прямо во время бала, на котором она слишком активно танцевала, хоть и была на седьмом месяце беременности. До спальни ее не довели, и в итоге Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль родился в половине второго ночи 30 ноября 1874 года, в дамской раздевалке Бленхейма. Сейчас, когда дворец открыт для посещения, эту комнату тоже показывают туристам, правда, по решению герцогов Мальборо она теперь выглядит куда благопристойнее, не как раздевалка, а как обычная небольшая спальня.

* * *

Счастливый отец Рэндольф Черчилль с гордостью рассказывал друзьям: «Мальчик очень красив, по крайне мере, так говорят все. У него темные глаза и волосы. К тому же он очень здоровенький, несмотря на преждевременное рождение». И надо сказать, о преждевременном рождении он упоминал не зря – в обществе активно болтали, что «раннее появление на свет Уинстона больше вызвано не его торопливостью, а тем же качеством лорда Рэндольфа». Но современные биографы Черчилля не слишком в это верят – слишком много дел его родители планировали закончить к январю, когда по плану должен был родиться их наследник, и его появление на свет в ноябре явно застало их врасплох. Впрочем,

это не мешало им быть вполне счастливыми, тем более что любимого первенца они по обычаю высшего света сплавили няне, а сами вновь окунулись в светские развлечения и политику.

«Много ли Уинстон унаследовал от отца, – пишет еще один биограф Черчилля, Пол Джонсон, – это отдельный вопрос. Мне кажется, немного. На самом деле, в нем мало было от Черчиллей, которые, по большому счету были людьми посредственными. Даже основоположник династии, Джон, первый герцог Мальборо, по мнению проницательного Карла II, мог так и остаться тихим провинциальным джентльменом, если бы не амбиции его блестательной жены Сары Дженнингс. Потомки его ничем не прославились. Пятеро из первых семи герцогов страдали хронической депрессией. Известно, что и Уинстон страдал от периодических приступов черной меланхолии, которые сам он называл «тоской зеленой». Они наступали как реакция на сильные потрясения и быстро рассеивались под действием напряженной работы. Унаследованный от отца экстремизм и резкость политических суждений часто работали против него на протяжении всей его карьеры, но было несколько ситуаций, когда и сам он заходил слишком далеко и жестоко за это поплатился. Однако в целом он помнил все ошибки лорда Рэндольфа, и всякий раз ему удавалось удержаться на краю про пасти. В нем не было никаких признаков умственного расстройства, которое сгубило его отца. На исходе девятого десятка Уин-

стон был вполне дееспособен, ум его был ясен, несмотря на общее физическое угасание.

Единственные по-настоящему счастливые люди на земле – те, чья работа приносит им удовольствие.

В Блэкхайме я принял два очень важных решения – родиться и жениться.

Я вполне доволен ими обоими.

Жизнь есть ощущения; ощущения есть жизнь.

Между тем, от матери Уинстон унаследовал самые характерные свои черты: энергию и любовь к авантюрам, амбициозность, гибкий ум, умение сопереживать, отвагу и стойкость, а кроме того огромное и всепоглощающее жизнелюбие. Он поставил себе цель – стать самым влиятельным политиком Вестминстера, это было своего рода мужской проекцией безудержного желания матери быть самой блестящей леди округа Мейфэр. Дженни сохраняла этот титул более десяти лет, и причиной тому была не только красота ее лица и осанки, – ее манера двигаться, говорить, смеяться, танцевать, ее взгляд были исполнены дьявольским очарованием. Однажды, уже будучи пожилой дамой, она сказала: «Я никогда не примирюсь с тем, что не я самая красивая женщина в этой комнате». Она привыкла к тому, что стоило ей появиться, и все мужские взгляды были прикованы к ней... Она верила, что все в ее руках, все возможно, что традиции, условности и сам порядок вещей могут быть принесены в жертву.

ву честолюбию. Леди Рэндольф любила риск и быстро забывала о разочарованиях. Все эти качества она передала своему первенцу... Мать также научила Уинстона всегда быть в центре беседы».

«Мать всегда казалась мне сказочной принцессой – лучезарным существом, всемогущей владычицей несметных богатств. Лорд Дабернон оставил ее портрет той ирландской поры, и я признателен ему за эти слова:

«Отчетливо помню, как впервые увидел ее. Это было в доме вице-короля в Дублине. Она стояла сбоку, слева от входа. В дальнем конце залы на возвышении красовался вице-король в окружении блистательной свиты, но не он и не его супруга были тем магнитом, что приковывал к себе взгляды, а обрисованная чернотой, чуть обособленная гибкая фигура, словно сотканная из другой, чем все мы, материи – сверкающей, летящей, ослепительной. В волосах любимое украшение – бриллиантовая звезда, чей блеск затмевается победительным сиянием глаз. Обликом скорее пантера, нежели женщина, только с развитым интеллектом, какого не сыскать в джунглях. Мужеством она не уступит супругу – подходящая мать потомкам великого герцога. При этих блистательных качествах в ней столько доброты и живости нрава, что она снискала всеобщее расположение.

Ее любезность, жизнелюбие и идущее от сердца стремление всех заразить радостной верой в жизнь сделали ее центром кружка верноподданных».

И таким же блеском она была окружена в моих детских глазах. Она светила мне, как вечерняя звезда. Я нежно любил ее – правда, издали».

Уинстон Черчилль «*Мои ранние годы. 1874–1904*»

Родителей Уинстона очень любил, хоть и почти не видел. Но нет смысла их в этом винить – они были людьми своего времени и своего класса и вели себя точно так же, как подавляющее большинство британских аристократов. В знатных семьях было принято, что первые годы жизни ребенок проводит с нянями, гувернантками и учителями, а потом поступает в школу-пансион и видится с родителями только на каникулах. Очень показательна в этом смысле викторианская пресса – так, например, журнал «The World» рекомендовал светским дамам «держаться подальше от детской, успокаивая себя тем, что у вас есть малыш. Пусть гувернантка приведет детей пару раз в гостиную, чтобы с ними можно было поиграть, как с милыми котятами».

С отцами отпрыски знатных семей виделись еще реже, чем с матерями, «игры с котятами» – это потакание женским слабостям, а мужчина вообще не обязан был вспоминать о детях, пока не придет время выбирать для них школу. Это приводило к курьезам, которые сейчас кажутся анекдотами – так, например, один современник Черчилля рассказывал, что за всю свою жизнь беседовал с собственным отцом всего один раз, а другой, когда в свою очередь обзавелся семьей, как-то раз похвалил хорошее воспитание случайно замечен-

ных в доме детей и очень удивился, когда, ему объяснили, что это его собственные отпрыски.

На этом фоне ничуть не кажется удивительным признание Уинстона Черчилля, которое он сделал в 30-е годы своему сыну: «Сегодня вечером у нас с тобой состоялся продолжительный и живой разговор, длившийся значительно дольше, чем мое общение с отцом на протяжении всей нашей совместной жизни».

Но доля маленького Уинстона была все же лучше чем у большинства мальчиков его круга. Родителей он преданно любил издалека, а рядом был человек, который восполнял ему недостаток любви и ласки – его няня, миссис Элизабет Энн Эверест. Она обожала своего воспитанника, и он платил ей взаимностью. Когда родители отправили его в школу и дали ей расчет, Уин斯顿 счел это несправедливым и пересыпал ей все деньги, какие ему удавалось скопить. Он навестил ее перед смертью (в 1895 году), заказал для нее надгробный камень, а потом платил за то, чтобы ее могилу содержали в порядке. А спустя много лет, решив попробовать себя в беллетристике и написав роман «Саврола», он вывел там миссис Эверест в качестве кормилицы героя, которого списал с самого себя.

Люди прекрасно умеют хранить секреты, которых не знают.

Я человек спортивного азарта, я всегда даю поездам

и самолетам хороший шанс уйти.

В больших сложностях рождаются большие упрощения.

Я всегда избегаю пророчествовать о будущем, гораздо лучше пророчествовать о прошлом.

Великие раздоры иногда происходят из мелких случайностей, но очень редко из мелких идей.

Мы должны уметь зарабатывать на жизнь, но мы должны и уметь жить.

Если уж это будет мир порока и скорби, то я возьму себе порок, а вы берите скорбь. Дешевая популярность может оказаться дорого купленной.

«Сразу после рождения он был отдан на воспитание кормилице, окружавшей его преданной заботой и лаской. Странная вещь – любовь этих женщин. Возможно, это единственная бескорыстная любовь на свете. Ведь насколько естественна любовь матери к сыну – такова ее материнская природа, юноши к своей девушке – это тоже может быть объяснено, собаки к хозяину – тот ее кормит, мужчины к другу – он стоял рядом в моменты сомнений. Во всех этих случаях есть разумное толкование. Но любовь приемной матери к ребенку, заботу о котором ей поручили, на первый взгляд кажется совершенно необъяснимой. Это явление одно из немногих доказательств, что природа

человечности гораздо выше банального утилитаризма, и что мы всегда можем надеяться на благоприятную судьбу».

Уинстон Черчилль «Саврола»

* * *

Первые воспоминания Уинстона Черчилля связаны с Ирландией, куда их семья вынуждена была уехать в середине 1870-х, после того как лорд Рэндолф поссорился с принцем Уэльским. Герцога Мальборо очень вовремя назначили вице-королем в очередной раз бунтующей Ирландии, и он уехал в Дублин, прихватив с собой сына, невестку и внука.

«Мы жили в так называемом Охотничьем домике, – вспоминал Уинстон Черчилль, – откуда было рукой подать до вице-королевской резиденции. Здесь прошли почти три моих младенческих года. Ясно и живо помню некоторые тогдашние события. Помню, как дед, вице-король, открывал в 1878-м памятник лорду Гофу. Огромная темная толпа, конные солдаты в ярко-красном, веревки, тянувшие вниз блестящее бурое полотно, голос моего грозного дедушки-герцога, гремящий над толпой. Я даже помню слова: «и убийственным залпом разметал вражеский строй». Я понимал, что речь идет о войне, о сражении и что «залп» – это тот сопровождаемый буханьем трюк, который часто проделывали солдаты в темных мундирах (стрелки) в Феникс-парке, куда

меня водили на утреннюю прогулку. Думаю, это мое первое связное воспоминание.

Другие воспоминания встают отчетливее. Мы собираемся на детское представление. По этому случаю все возбуждены. Настает долгожданный день. Из резиденции мы трогаемся к Замку, где заберем остальную ребятню. Большой квадрат внутреннего двора вымощен брускаткой. Льет дождь. Дождь лил там почти не переставая – льет и сейчас. Вдруг из дверей Замка в панике повалил народ. Потом нам сказали, что никакого представления не будет, поскольку театр взорвали. От директора осталась только связка ключей. В утешение нам обещали назавтра показать руины. Мне очень хотелось увидеть эти ключи, но моей просьбе почему-то не вняли...

В памяти встает высокая белокаменная башня, до которой мы порядочно долго добирались. Мне сказали, что ее взрывал Оливер Кромвель. Я усвоил, что он взрывал все что ни попадя и потому был очень великий человек».

Любопытно, что детская память сохранила именно те события, которые были связаны с войной, политикой и искусством. Похоже, круг интересов Уинстона Черчилля сложился уже в четыре года и с тех пор особо не менялся.

Там же, в Ирландии, он начал учиться читать и считать, в процессе чего выяснилось, что к учебе у него нет ни малейшей склонности. Дальнейшая жизнь показала, что когда Уин斯顿 хотел чему-то научиться, он схватывал все на лету, но ему было невозможно вбить в голову то, что не вызывало

у него интереса. Сам он, вспоминая детские годы, насмешливо писал о «грозном оскале Образования» и признавался, что ненавидел гувернантку, буквы, цифры и мечтал только о том, чтобы сбежать и заняться тем, чем хочется. Что он периодически делал, хоть и знал, что будет наказан.

Когда вы перестаете мечтать, вселенная перестает существовать.

Порой те, кто впечатлил вас меньше всех, повлиял на вас больше всего.

Великое и доброе – редкое сочетание.

У нас много тревог, и иногда одна гасит другую.

Нужно стать справедливым, прежде чем быть щедрым.

«Если какой-либо предмет не возбуждал моего воображения, то я просто не мог его изучать. За все двенадцать лет, что я провел в учебных заведениях, ни одному преподавателю не удалось заставить меня написать даже стих на латыни или выучить хоть что-нибудь из греческого языка, исключая алфавит».

Уинстон Черчилль

В 1880 году их семейство вернулось из Ирландии – партия консерваторов потерпела поражение, и герцог Мальборо был снят с поста вице-короля. За это время многое успело измениться. Дженин родила второго сына, Джона, и это ста-

ло последним аккордом их семейной жизни с Рэндольфом – дальше они были лишь друзьями и союзниками, предоставив друг другу свободу в личной жизни. Впрочем, поскольку главным увлечением их обоих в то время была политика, они прекрасно ладили.

Рэндольфа переизбрали в Палату Общин, где он быстро основал что-то вроде собственной мини-партии «консервативных демократов», защищавшей привилегии лордов, но требовавшей социальных реформ для рабочих. Он начал делать успешную политическую карьеру, в 1885 году был назначен государственным секретарем по делам Индии, а в 1886 году – канцлером казначейства. Но надолго он на вершине не удержался – непоследовательность и любовь к скандальным выходкам его подвели, и через полгода он был вынужден уйти в отставку.

Дженни царила в светских салонах, стала одной из основательниц первого женского политического клуба Великобритании – «Лиги первоцвета», но несмотря на занятость и на многочисленные романы, в том числе с принцем Уэльским и королем Сербии, все это время активно поддерживала мужа, писала ему речи, сопровождала его в заграничных поездках и ухаживала за ним во время болезни (вероятнее всего, это был сифилис), которая и свела его в могилу в 1895 году.

Что касается Уинстона, то большая часть всех этих событий прошла мимо него, потому что в 1882 году его отдали в модную школу-пансион Сент-Джордж, в Аскоте, которая

должна была подготовить его к поступлению в Итон. И школа была на самом деле роскошная – по десять учеников в классе, отличное питание, бассейн, электрическое освещение (редкость для 1882 года) и, конечно, футбольное и крикетное поля – ведь для настоящего джентльмена спортивное воспитание было даже важнее чем образование.

Несмотря на свою страстную нелюбовь к учебе, поначалу Уинстон отнесся к отъезду в школу даже с воодушевлением – было интересно готовиться к ней, делать покупки, и конечно его радовала мысль, что он познакомится с другими мальчишками и заведет друзей. «К тому же, – с иронией вспоминал он, – мне втолковывали, что «школьные годы – самые счастливые в жизни». Некоторые взрослые добавляли, что в их время школы были жуть какими суровыми: сплошная травля, еды никакой, каждое утро «скалываешь лед в кувшине» (в жизни своей такого не видел). Но сейчас все переменилось. Школьная жизнь – одно удовольствие. Мальчикам она нравится. Мне внушали, что некоторые мои кузены с неохотой едут домой на каникулы. Допрошенные мною позрь кузены не подтвердили этого, они только скалили зубы».

Воодушевление продержалось недолго – учиться Уинстону не понравилось, в спорте он не преуспел, зато в полной мере испытал на себе садистские наклонности директора Сент-Джорджа. «По итонскому образцу порка розгами входила важнейшим пунктом в учебный план, – писал он в вос-

поминаниях. – Уверен, никакой тогдашний мальчик из Итона, и тем более из Харроу, не отведал столько березовой каши, сколько ее скормил малышам, доверенным его властному попечению, наш директор. Ни в одном исправительном заведении Министерства внутренних дел столь жестоких наказаний не допустили бы... Два-три раза в месяц всю школу выстраивали в библиотеке, выкликали имена провинившихся, и двое старших мальчиков уводили их в соседнее помещение, где их секли до крови, а мы, трепеща, слушали их вопли».

Единственным положительным следствием обучения в Сент-Джордже для Уинстона стало то, что именно там он увлекся чтением, что очень подтянуло его общее развитие. В учебе, впрочем, от этого толку не было, он «читал взрослые книги, а по успеваемости был последним в классе».

Вырваться из Сент-Джорджа Уинстону удалось только благодаря миссис Эверест, которая заметила у него следы побоев и сумела убедить его родителей поменять школу. Кстати, впоследствии Сент-Джордж превратился в школу для девочек, и один из ее факультетов стал носить имя Уинстона Черчилля.

Ну а тогда, в далеком 1884 году будущий премьер-министр с облегчением перешел в менее дорогую, но гораздо более спокойную частную подготовительную школу в Брайтоне.

«Там я нашел доброту и сочувствие, с которыми не

встречался в своих прежних образовательных опытах. Я пробыл там три года и, хотя чуть не помер от двустороннего воспаления легких, очень окреп в тамошнем бодрящем воздухе и приятной обстановке. Мне позволили заниматься чем мне хотелось: французским, историей, заучиванием пропасти стихов, а главное, верховой ездой и плаванием. В сознании встает отрадная картина тех лет, никакого сравнения с ранними школьными воспоминаниями».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.